

ИЛДФ ^{ИЛДЯ} ®

ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ ЕДИНИЦА

^{ЕВГЕНИИ}
ПЕТРОВ

Илья Ильф

**Собрание сочинений в пяти томах.
Том 3. Веселящаяся единица**

«РИПОЛ Классик»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Ильф И. А.

Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Веселящаяся единица /
И. А. Ильф — «РИПОЛ Классик»,

ISBN 978-5-521-00404-1

В третий том Собрания сочинений Ильфа и Петрова включены рассказы, фельетоны, статьи и речи, написанные в 1932-1937 годах, а также водевили и киносценарии знаменитого дуэта. Вместо предисловия приводится очерк актера и режиссера И. В. Ильинского.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-521-00404-1

© Ильф И. А.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Игорь Ильинский. Однажды летом	6
Рассказы	9
Здесь нагружают корабль	9
Бронированное место	12
Клооп	14
Счастливый отец	18
Разговоры за чайным столом	20
Чудесные гости	23
Разносторонний человек	27
Собачий холод	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Илья Ильф, Евгений Петров
Собрание сочинений в пяти томах.
Том 3. Веселящаяся единица

© Ильинский И. В., наследники, предисловие, 2017

© Катаев В. П., соавтор киносценария «Под куполом цирка», наследники, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2017

Игорь Ильинский. Однажды летом

Сценарий И. Ильфа и Е. Петрова «Однажды летом!», написанный ими в конце 20-х годов, после выхода «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», представлял собой для актера нечто весьма заманчивое. А мне еще предстояло быть занятым в будущем фильме не только в качестве актера, но и принять участие в режиссерской работе. Предполагалось, что картина будет сниматься в Киеве, в «Украинфильме».

Вот в связи со всем этим я и оказался в Нащокинском переулке, в тихом Пречистенском районе Москвы. Чем-то уютным и родным повеяло на меня от этого тихого переулочка и от дома, куда мне предстояло войти, – может быть оттого, что находился он неподалеку от места, где я провел свои детские и гимназические годы.

Скромная писательская надстройка на старом московском доме была по тому времени высшей радостью, о какой могли мечтать многие наши писатели. И, главное, – маленькие, только что полученные квартирны Ильфа и Петрова были «отдельными». В крохотных своих кабинетиках писатели чувствовали, судя по всему, прилив творческих сил, их наконец посетило чувство устроенности и душевного уюта.

Книжные полки в квартире Петрова были завалены «Двенадцатью стульями» и «Золотыми тельцами» чуть ли не на всех языках мира. Меня поразило тогда, как быстро приобрели наши молодые писатели мировую известность. Помню, что это было для меня неожиданно.

Пришел я в тот день именно в квартиру Петрова, и это было не случайно, потому что Евгений Петрович – человек живой и деятельный, – как мне показалось, являл собою деловое и представительное начало содружества «Ильф и Петров».

С Евгением Петровичем и началась деловая беседа, касавшаяся организационной стороны нашего дела. А когда пришел Илья Арнольдович, мы занялись обсуждением и исправлением некоторых эпизодов сценария.

Поначалу мне почудилась в Ильфе какая-то сдержанность. Казалось, Петров захватил творческую инициативу, первенствовал в выдумке, смелее фантазировал, предлагая все новые и новые варианты. Ильф не проявлял такой активности. Но то ли в дальнейших встречах, то ли уже в конце первой, я понял, что писатели составляют одно нераздельное целое. Ильф неизменно направлял неумную фантазию Петрова в нужное русло, отсекая все второстепенное и менее важное, а та необыкновенная тонкость, которую он привносил в их работу, и те мелочи, которые добавлял от себя, озаряли и обогащали необычайным светом задуманную сцену. Петров со своей стороны безоговорочно принимал великолепные поправки и добавления Ильфа и сам вдохновлялся этими находками в новых порывах своей фантазии. Мне нравилось, что работа шла непринужденно и быстро: целые сцены и очень существенные поправки в придуманных прежде сочинялись здесь же, при мне и режиссере, иногда приходившем со мной. А когда нам случалось с чем-то не согласиться, в добрых глазах Петрова появлялось выражение задумчивости, и, видимо осознав фальшь или искусственность сцены, он бросал взгляд на Ильфа. Чаще всего тот добродушно кивал головой, подтверждая справедливость критических наших замечаний, и тогда оба они дружно отказывались от своего предложения и с новым увлечением отдавались поискам нового варианта.

Оба они отличались совершенно особой чуткостью. Очень скоро им уже просто не нужно стало спрашивать о моем мнении или о мнении моего товарища. По нашим глазам и даже по характеру нашего молчания они точно угадывали – увлечены мы или равнодушны к их мыслям и предложениям. Иной раз нам казалось необходимым для поддержания творческого настроения похвалить то, что не особенно нравилось. Но их было трудно обмануть. Через несколько минут они сами возвращались к такой сцене и чаще всего исправляли ее.

Вот, кажется, единственный раз и довелось мне соприкоснуться с Ильфом и Петровым в рабочей, дружеской обстановке. Несколько встреч в единственной совместной творческой работе – и... все. Встречались мы, правда, и после этого, но это были мимолетные встречи в театрах, в общественных местах или на курортах, когда мы ограничивались приветливыми и ласковыми знаками внимания, выражавшими любовь, какую мы питали друг к другу издавека.

Думается мне, что дружба этих писателей была примером творческой верности. Да и только ли творческой?..

В творческих встречах, о которых я упоминал, мне стало ясно, что Ильф и Петров не терпят трескотни, помпезности и шумихи вокруг своих произведений. Помню, как они были огорчены, когда в фильме «Цирк» талантливый режиссер Г. В. Александров сделал в их сценарии целый ряд добавлений и украшений. Богатая «постановочность» картины испугала наших авторов. Они явно хотели, чтобы режиссер держался ближе к их замыслу. По их мнению, Г. В. Александров сделал не тот фильм, о котором они мечтали, – видимо, им казалось, что все в фильме должно быть проще, сдержаннее и скромнее.

Фильм Г. В. Александрова, как и игра Л. П. Орловой имели огромный успех и признание, но авторы и тут, сознавая победу Александрова, упорно отстаивали свою точку зрения, хотя не могли, конечно, не радоваться успеху.

Вот и с нами Ильф и Петров не жалели доводов, чтобы убедить нас делать фильм поскромнее. В то время в кино многие режиссеры, так сказать, «смотрели в будущее». Студенты жили в их фильмах в «шикарных» общежитиях с мраморными бассейнами и белыми роялями, одеты были в ослепительно нарядные костюмы. Скромные рабочие клубы изображались в виде великолепных дворцов с изысканной мебелью. Действительно, через десяток лет кое-что из этого стало реальностью, но в те времена такие фильмы были больше чем «лакировкой действительности».

По ходу действия нашего фильма должна была строиться декорация железнодорожного рабочего клуба.

В киностудии очень хотели, чтобы мы построили рабочий Дворец культуры нового и даже «будущего» типа, но Ильф и Петров категорически настаивали на том, чтобы это был захудалый, летний железнодорожный клуб, обнесенный ветхим забором.

И правильно настаивали. Потому что жульнические махинации заезжего фокусника, шарлатана Сен-Вербуза, были бы совсем неуместны в новом Дворце культуры. Такие типы, как Сен-Вербуз, могли орудовать только в отсталых плохоньких клубиках.

Словом, авторы склонны были скорее снисходительно относиться к режиссерской «бедности», чем к претенциозным, помпезным постановочным излишествам.

Верность авторскому замыслу, достоверность в изображении и игре, даже в самых гротескных моментах сценария, были для них дороже всего.

Увы, фильм наш прошел незаметно, не получил признания, и, может быть, поэтому дальнейшая наша творческая связь оборвалась.

Жизнь неслась быстро, события, самые невероятные, мелькали, обрушивались на нас, заполняли полностью нашу жизнь и делали ее все более стремительной и быстротекущей.

И вот в этом мелькании событий – горестное известие: после поездки по Америке Ильф тяжело заболел. Сообщив мне об этом, Петров заметил, как мне тогда показалось, успокаивая себя самого:

– Он устал, поездка была тяжелая, шутка сказать – через всю страну в автомобиле. Отдохнет, отойдет...

Я вспомнил Ильфа, его крепкую фигуру, румяные щеки, и проникся доверием к словам Петрова. Конечно же пустяки.

Но промчалось еще несколько месяцев – и снова тревожная весть: Ильф серьезно болен. Тяжело это было слышать, но и тут, признаюсь, я не испытал большого беспокойства.

И вдруг совсем скоро: Ильфа не стало.

И еще через несколько времени – вечер памяти Ильфа. Зал студенческого клуба МГУ, переполненный сверх всякой меры. Студенты, профессора, журналисты, рабочие, писатели, артисты. Сцена заполнена друзьями, близкими. Читаются произведения Ильфа и Петрова. Я не исполнял тогда, к величайшему моему сожалению, ни их великолепных фельетонов, ни отрывков из других произведений. Как было показать мою любовь и преклонение перед ушедшим писателем? И взялся читать по книге. Читал плохо... Читал и чувствовал, с какой любовью, с каким благоговейным вниманием впитывает зал каждое слово любимых своих писателей.

И долго потом я не мог отделаться от мысли: Петров осиротел... Как же он теперь будет работать?

И вот Вторая мировая война... И неожиданно в вихре событий мы услышали голос Петрова.

В его фронтовых корреспонденциях меня восхитили замечательные, умные строки о том, что в этой войне побеждает и победит не тупой и точный гитлеровский план войны, а план и порядок, составленный с учетом хаоса и неожиданностей беспорядка в военных событиях. Мне послышались здесь развитые и обобщенные толстовские мысли об Аустерлицком сражении и об абсурдности точного учета событий на поле боя... И мне стало ясно, что Петров и без Ильфа остается большим и умным писателем, который долго еще будет радовать нас своим творчеством.

И почти тут же – новое известие: Евгений Петров погиб в прифронтовой полосе во время авиационной катастрофы. Случайно, нелепо, трагически...

Когда-то, в дни юности, Маяковский был для меня примером и образцом нового человека, самым ярким и увлекательным, наиболее полно и цельно отразившим нашу эпоху. Он был солдатом Революции, и перо было его оружием.

Вспоминаешь Ильфа и Петрова, видишь добрые глаза Евгения Петровича, проницательный, немного иронический взгляд умных и таких же добрых глаз Ильфа, и становится ясно: оба они были «газетчиками» в лучшем и высшем смысле этого слова, такими же непримиримыми, как Маяковский. И их тоже следовало бы назвать солдатами Революции.

Отличительной чертой их творчества была интеллигентность в самом высоком ее понимании и глубокая гуманность. Все силы своего сердца они отдавали борьбе с грязью и пошлостью жизни, не брезгуя самыми «мелкими» поводами для своих фельетонов. И они умели находить в «героях» этих фельетонов то типическое, ту злую силу, которая делала их живучими и помогла всем этим «веселящимся единицам» и «безмятежным тумбам» дожить до нашего времени.

Нынче нам приходится иногда сталкиваться с фельетонами, где вместо обобщенных типических персонажей фигурируют реально существующие лица, действующие под истинными своими именами.

Когда такой «герой» пытается опровергнуть некоторые преувеличения, содержащиеся в фельетоне, ему говорят: вы имеете дело с художественным произведением, и здесь необходима фантазия. Между тем, такая «фантазия» иногда граничит с клеветой и может привести к очень печальным последствиям.

Как далеки были Ильф и Петров от подобных «творческих методов»!

Человек и человеческое достоинство были для Ильфа и Петрова прежде всего и превыше всего. И именно это побуждало их быть гневными, страстными бойцами и беспощадно расправляться с пошлыми, жестокими и тупыми воплощениями чуждого нам мира.

Мне, как актеру, тоже довелось в меру моих сил повоевать с этой нечистью на сцене и на экране, и мне особенно близка и мила эта сторона творчества замечательных наших сатириков.

Рассказы

Здесь нагружают корабль

*Когда восходит луна, из зарослей выходят шакалы.
Стенли. Как я нашел Ливингстона*

Ежедневно собиралось летучее совещание, и ежедневно Сامةцкий прибегал на него позже всех.

Когда он, застенчиво усмехаясь, пробирался к свободному стулу, собравшиеся обычно обсуждали уже третий пункт повестки. Но никто не бросал на опоздавшего негодующих взглядов, никто не сердился на Сامةцкого.

– Он у нас крепкий, – говорили начальники отделов, их заместители и верные секретари. – Крепкий общественник.

С летучего совещания Сامةцкий уходил раньше всех. К дверям он шел на цыпочках. Краги его сияли. На лице выражалась тревога.

Его никто не останавливал. Лишь верные секретари шептали, своим начальникам:

– Сامةцкий пошел делать стеннуху. Третий день с Ягуар Петровичем в подвале клеят.

– Очень, очень крепкий работник, – рассеянно говорили начальники.

Между тем Сامةцкий озабоченно спускался вниз.

Здесь он отвоевал комнату, между кухней и месткомом, специально для общественной работы. Для этого пришлось выселить архив, и так как другого свободного помещения не нашли, то архив устроился в коридоре. А работника архива, старика Пчеловзводова, просто уволили, чтоб не путался под ногами.

– Ну, как стенновочка? – спрашивал Сامةцкий, входя в комнату.

Ягуар Петрович и две девушки ползали по полу, расклеивая стенгазету, большую, как артиллерийская мишень.

– Ничего стеннушка, – сообщал Ягуар Петрович, поднимая бледное отекавшее лицо.

– Стеннуля что надо, – замечал и Сامةцкий, полюбовавшись работой.

– Теперь мы пойдем, – говорили девушки, – а то нас и так ругают, что мы из-за стенгазеты совсем запустили работу.

– Кто это вас ругает? – кипятился Сامةцкий. – Я рассматриваю это как выпад. Мы их продернем. Мы поднимем вопрос.

Через десять минут на третьем этаже слышался голос Сامةцкого:

– Я рассматриваю этот возмутительный факт не как выпад против меня, а как выпад против всей нашей советской общественности и прессы. Что? В служебное время нужно заниматься делом? Ага. Значит, общественная работа, по-вашему, не дело? Товарищи, ну как это можно иначе квалифицировать, как не антиобщественный поступок!

Со всех этажей сбегались сотрудники и посетители.

Кончалось это тем, что товарищ, совершивший выпад, плачущим голосом заверял всех, что его не поняли, что он вообще не против и что сам всегда готов. Тем не менее справедливый Сامةцкий в следующем номере стенгазеты помещал карикатуру, где смутьян был изображен в самом гадком виде – с большой головой, собачьим туловищем и надписью, шедшей изо рта: «Гав, гав, гав!»

И такая принципиальная непримиримость еще больше укрепляла за Сامةцким репутацию крепкого работника.

Всех, правда, удивляло, что Сامةцкий уходил домой ровно в четыре. Но он приводил такой довод, с которым нельзя было не согласиться.

– Я не железный, товарищи, – говорил он с горькой усмешкой, из которой, впрочем, явствовало, что он все-таки железный, – надо же и Сامةцкому отдохнуть.

Из дома отдыха, где измученный общественник проводил свой отпуск, всегда приходили трогательнейшие открытки:

«Как наша стеннущечка? Скучаю без нее мучительно. Повел бы общественную работу здесь, но врачи категорически запретили. Всей душой стремлюсь назад».

Но, несмотря на эти благородные порывы души, тело Сامةцкого регулярно каждый год опаздывало из отпуска на две недели.

Зато по возвращении Сامةцкий с новым жаром вовлекал сотрудников в работу.

Теперь не было прохода никому. Сامةцкий хватал людей чуть ли не за ноги.

– Вы слабо нагружены! Вас надо малость подгрузить! Что? У вас партийная нагрузка, учеба и семинар на заводе? Вот, вот! С партийного больше и спрашивается. Пожалуйста, пожалуйста в кружок балалаечников. Его давно надо укрепить, там очень слабая прослойка.

Нагружать сотрудников было самым любимым занятием Сامةцкого.

Есть такая игра. Называется она «нагружать корабль». Играют в нее только в часы отчаянной скуки, когда гостей решительно нечем занять.

– Ну, давайте грузить корабль. На какую букву? На «М» мы вчера грузили. Давайте сегодня на «Л». Каждый говорит по очереди, только без остановок.

И начинается галиматья.

– Грузим корабль лампами, – возглашает хозяин.

– Ламбрекенами! – подхватывает первый гость.

– Лисицами!

– Лилипутами!

– Лобзиками!

– Локомотивами!

– Ликерами!

– Лапуасцами!

– Лихорадками!

– Лоханками!

Первые минуты нагрузка корабля идет быстро. Потом выбор слов становится меньше, играющие начинают тужиться. Дело движется медленнее, а слова вспоминаются совсем дикие. Корабль приходится грузить:

– Люмпен-пролетариями!

– Лимитрофами!

– Лезгинками!

– Ладаном!

Кто-то пытается загрузить корабль Лифшицами. И на этом игре конец. Возникает дурацкий спор: можно ли грузить корабль собственными именами?

Сامةцкий испытывал трудности подобного же рода.

Им были организованы все мыслимые на нашей планете самостоятельные кружки. Помимо обыкновенных, вроде кружка проф-знаний, хорового пения или внешней политики, числились еще в отчетах:

Кружок по воспитанию советской матери.

Кружок по переподготовке советского младенца.

Кружок – «Изучим Арктику на практике».

Кружок балетных критиков.

Достигнув таких общественных высот, Сامةцкий напрягся и неожиданно сделал еще один шаг к солнцу. Он организовал ночную дежурку под названием: «Скорая помощь пожилому служащему в ликвидации профнеграмотности. Прием с двенадцати часов ночи до шести часов утра».

Диковинная дежурка помещалась в том же подвале, где обычно клеили стенгазету.

Здесь дежурили по ночам заметно осунувшиеся, поблекшие девушки и Ягуар Петрович. Ягуар Петрович совсем сошел на нет. Щек у него уже почти не было.

В ночной профилакторий никто не приходил. Там было холодно и страшно.

Все-таки неугомонный Сامةцкий сделал попытку нагрузить корабль еще больше.

Сامةцкий изобрел карманную стенгазету, которую ласкательно назвал «Стеннушка-карманушка».

– Понимаете, я должен довести газету до каждого сотрудника. Она должна быть величинной в визитную карточку. Она будет роздана всем. Вынул газету из жилетного кармана, прочел, отреагировал и пошел дальше. Представляете себе реажаж!..

Вся трудность заключалась в том, как уместить на крошечном листке бумаги полагающийся материал: и статью о международном положении, и о внутриучрежденской жизни, и карикатуру на одного служащего, который сделал выпад, одним словом – все.

Спасти положение мог только главный бухгалтер, обладавший бисерным почерком.

Но главный бухгалтер отказался, упирая на то, что он занят составлением годового баланса.

– Ну, мы это еще посмотрим, – сказал Сامةцкий, – я это рассматриваю как выпад.

Но здесь выяснилось, что Сامةцкий перегрузил свой корабль.

– Чем он, собственно, занимается? – спросили вдруг на летучем совещании.

– Ну, как же! Крепкий общественник. Все знают.

– Да, но какую работу он выполняет?

– Позвольте, но ведь он организовал этот... ну, ночной колумбарий, скорая помощь, своего рода профсоюзный Склифосовский... И потом вот... переподготовка младенцев. Даже в «Вечёрке» отмечали...

– А должность, какую он занимает должность?

Этого как раз никто не знал. Кинулись к ведомости на зарплату.

Там было весьма кратко и неопределенно:

«Сامةцкий – 360 рублей».

– Туманно, туманно, – сказал начальник, – ах, как все туманно! Конечно, Склифосовский Склифосовским, но для государства это не подходит. Я платить не буду.

И судьба Сامةцкого решилась. Он перегрузил свой корабль. И корабль пошел ко дну.

1932

Бронированное место

Рассказ будет о горьком факте из жизни Посиделкина.

Бедой произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен.

В общем, произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей, – горе от ума. Дело касается поездки по железной дороге.

Конечная цель усилий Посиделкина сводилась вот к чему: 13 сентября покинуть Москву, чтобы через два дня прибыть в Ейск на целительные купанья в Азовском море. Все устроилось хорошо: путевка, отпуск, семейные дела. Но вот – железная дорога. До отъезда оставалось только два месяца, а билета еще не было.

«Пора принимать экстренные меры, – решил Посиделкин. – На городскую станцию я не пойду. И на вокзал я не пойду. Ходить туда нечего, там билета не достанешь. Там, говорят, в кассах торгуют уже не билетами, а желчным порошком и игральными картами. Нет, нет, билет надо доставать иначе».

Это самое «иначе» отняло указанные уже два месяца.

– Если вы меня любите, – говорил Посиделкин каждому своему знакомому, – достаньте мне билет в Ейск. Жесткое место. Для лежания.

– А для стояния не хотите? – легкомысленно отвечали знакомые.

– Бросьте эти шуточки, – огорчился Посиделкин, – человеку надо ехать в Ейск поправляться, а вы... Так не забудьте. На тринадцатое сентября. Наверное же у вас есть знакомые, которые все могут. Да нет! Вы не просто обещайте – запишите в книжечку. Если вы меня любите!

Но все эти действия не успокаивали, – так сказать, не давали полной гарантии. Посиделкин опасался конкурентов. Во всех прохожих он подозревал будущих пассажиров. И действительно, почти все прохожие как-то нервно поглядывали по сторонам, словно только на минуту отлучились из очереди за железнодорожными билетами.

«Худо, худо, – думал Посиделкин, – надо действовать решительнее. Нужна система».

Целый вечер Посиделкин занимался составлением схемы. Если бы его сейчас поймали, то, несомненно, решили бы, что Посиделкин – глава большой подпольной организации, занятой подготовкой не то взрыва железнодорожного моста, не то крупных хищений в кооперативах открытого типа.

На бумажке были изображены кружочки, квадратики, пунктирные линии, литеры, цифры и фамилии. По схеме можно было проследить жизнь и деятельность по крайней мере сотни людей: кто они такие, где живут, где работают, какой имеют характер, какие слабости, с кем дружат, кого недолюбливают. Против фамилий партийных стояли крестики. Беспартийные были снабжены нуликами. Кроме того, значились в документе довольно-таки странные характеристики:

«Брунелевский. Безусловно может».

«Никифоров. Может, но вряд ли захочет».

«Мальцев-Пальцев. Захочет, но вряд ли сможет».

«Бумагин. Не хочет и не может».

«Кошковладельцев. Может, но сволочь».

И все это сводилось к одному – достать жесткое место для лежания.

«Где-нибудь да клонет, – мечтал Посиделкин, – главное, не давать им ни минуты отдыха. Ведь это все ренегаты, предатели. Обещают, а потом ничего не сделают».

Чем ближе подходил день отъезда, тем отчаяннее становилась деятельность Посиделкина. Она уже начинала угрожать спокойствию города. Люди прятались от него. Но он пресле-

довал их неумолимо. Он гнался за ними на быстроходных лифтах. Он перегрузил ручную и автоматические станции бесчисленными вызовами.

– Можно товарища Мальцева? Да, Пальцева. Да, да, Мальцева-Пальцева. Кто спрашивает? Скажите – Леля. Товарищ Мальцев? Здравствуйте, товарищ Пальцев. Нет, это не Леля. Это я, Посиделкин. Товарищ Мальцев, вы же мне обещали. Ну да, в Ейск, для лежання. Почему некогда? Тогда я за вами заеду на такси. Не нужно? А вы действительно меня не обманете? Ну, простите великодушно.

Завидев нужного ему человека, Посиделкин, презирая опасность, бросался в самую гущу уличного движения. Скрежетали автомобильные тормоза, и бледнели шоферы.

– Значит, не забудете, – втолковывал Посиделкин, стоя посреди мостовой, – в Ейск, для лежання. Одно жесткое.

Когда его отводили в район милиции за нарушение уличных правил, он ухитрялся по дороге взять с милиционера клятву, что тот достанет ему билет.

– Вы – милиция, вы все можете, – говорил он жалобно.

И фамилия милиционера с соответствующим кружочком и характеристикой («Может, но неустойчив») появлялась в страшной схеме.

За неделю до отъезда к Посиделкину явился совершенно неизвестный гражданин и вручил ему билет в Ейск. Счастью не было предела. Посиделкин обнял гражданина, поцеловал его в губы, но так и не вспомнил лица (стольких людей он просил о билете, что упомянуть их всех было решительно невозможно).

В тот же день прибыл курьер на мотоцикле от Мальцева-Пальцева. Он привез билет в Ейск. Посиделкин благодарил, но деньги выдал со смущенной душой.

«Придется один билет продать на вокзале», – решил он.

Ах, напрасно, напрасно Посиделкин не верил в человечество!

Схема действовала безотказно, как хорошо смазанный маузер, выпуская обойму за обоймой.

За день до отъезда Посиделкин оказался держателем тридцати восьми билетов (жестких, для лежання). В уплату за билеты ушли все отпускные деньги и шестьдесят семь копеек бонами на Торгсин.

Какая подлость! Никто не оказался предателем или ренегатом!

А билеты все прибывали. Посиделкин уже прятался, но его находили. Количество билетов возросло до сорока четырех.

За час до отхода поезда Посиделкин стоял на гранитной паперти вокзала и несмелым голосом нищего без квалификации упрашивал прохожих:

– Купите билетик в Ейск! Целебное место – Ейск! Не пожалеете!

Но покупателей не было. Все отлично знали, что билета на вокзале не купишь и что надо действовать через знакомых. Зато приехали на казенной машине Брунелевский, Бумагин и Кошковладельцев. Они привезли билеты.

Ехать Посиделкину было скучно.

В вагоне он был один.

И, главное, беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен. Просто у него были слишком влиятельные знакомые. А чудное правило – покупать билеты в кассе – почему-то было забыто.

1932

Клооп

– Не могу. Остановитесь на минутку. Если я сейчас же не узнаю, что означает эта вывеска, я заболею. Я умру от какой-нибудь загадочной болезни. Двадцатый раз прохожу мимо и ничего не могу понять.

Два человека остановились против подъезда, над которым золотом и лазурью было выведено:

КЛООП

– Не понимаю, что вас волнует. Клооп и Клооп. Прием пакетов с часу до трех. Обыкновенное учреждение. Идем дальше.

– Нет, вы поймите! Клооп! Это меня мучит второй год. Чем могут заниматься люди в учреждении под таким вызывающим названием? Что они делают? Заготавливают что-нибудь? Или, напротив, что-то распределяют?

– Да бросьте. Вы просто зевака. Сидят себе люди, работают, никого не трогают, а вы пристаёте – почему, почему? Пошли.

– Нет, не пошли. Вы лентяй. Я этого так оставить не могу.

В длинной машине, стоявшей у подъезда, за зеркальным стеклом сидел шофер.

– Скажите, товарищ, – спросил зевака, – что за учреждение Клооп? Чем тут занимаются?

– Кто его знает, чем занимаются, – ответил шофер. – Клооп и Клооп. Учреждение как всюду.

– Вы что ж, из чужого гаража?

– Зачем из чужого! Наш гараж, клооповский. Я в Клоопе со дня основания работаю.

Не добившись толку от водителя машины, приятели посоветовались и вошли в подъезд. Зевака двигался впереди, а лентяй с недовольным лицом несколько сзади.

Действительно, никак нельзя было понять придиричivosti зеваки. Вестибюль Клоопа ничем не отличался от тысячи других учрежденческих вестибюлей. Бегали курьерши в серых сиротских балахончиках, завязанных на затылке черными ботиночными шнурками. У входа сидела женщина в чесанках и большом окопном тулупе. Видом своим она очень напоминала трамвайную стрелочницу, хотя была швейцарихой (прием и выдача калош). На лифте висела вывесочка «Кепи и гетры», а в самом лифте вертелся кустарь с весьма двусмысленным выражением лица. Он тут же на месте кроил свой модный и великосветский товар. (Клооп вел с ним отчаянную борьбу, потому что жакт нагло, без согласования, пустил кустаря в ведомственный лифт.)

– Чем же они могли бы тут заниматься? – начал снова зевака.

Но ему не удалось продолжить своих размышлений в парадном подъезде. Прямо на него налетел скатившийся откуда-то сверху седовласый служащий и с криком «брынза, брынза!» нырнул под лестницу. За ним пробежали три девушки, одна – курьерша, а другие две – ничего себе – в холодной завивке.

Упоминание о брынзе произвело на швейцариху потрясающее впечатление. На секунду она замерла, а потом перевалилась через гардеробный барьер и, забыв о вверенных ей калошах, бросилась за сослуживцами.

– Теперь все ясно, – сказал лентяй, – можно идти назад. Это какой-то пищевой трест. Разработка вопросов брынзы и других молочнодиетических продуктов.

– А почему оно называется Клооп? – придиричиво спросил зевака.

На это лентяй ответить не смог. Друзья хотели было расспросить обо всем швейцариху, но, не дождавшись ее, пошли наверх.

Стены лестничной клетки были почти сплошь заклеены рукописными, рисованными и напечатанными на машинке объявлениями, приказами, выписками из протоколов, а также различного рода призывами и заклинаниями, неизменно начинавшимися словом «Стой!».

– Здесь мы все узнаем, – с облегчением сказал лентяй. – Не может быть, чтобы из сотни бумажек мы не выяснили, какую работу ведет Клооп.

И он стал читать объявления, постепенно передвигаясь вдоль стены.

– «Стой! Есть билеты на „Ярость“. Получить у товарища Чернобровцевой». «Стой! Кружок шашистов выезжает на матч в Кунцево. Шашистам предоставляются проезд и суточные из расчета центрального тарифного пояса. Сбор в комнате товарища Мур-Муравейского». «Стой! Джемпера и лопаты по коммерческим ценам с двадцать первого у Кати Полотенцевой».

Зевака начал смеяться. Лентяй недовольно оглянулся на него и подвинулся еще немножко дальше вдоль стены.

– Сейчас, сейчас. Не может быть, чтоб... Вот, вот! – бормотал он. – «Приказ по Клоопу № 1891–35. Товарищу Кардонкль с сего числа присваивается фамилия Корзинкль». Что за чепуха! «Стой! Получай брынзу в порядке живой очереди под лестницей, в кооп-секторе».

– Наконец-то! – оживился зевака. – Как вы говорили? Молочнодиетический пищевой трест? Разработка вопросов брынзы в порядке живой очереди? Здорово!

Лентяй смущенно пропустил объявление о вылазке на лыжах за капустой по среднечеловеческим ценам и уставился в производственный плакат, в полупламенных выражениях призывавший клооповцев ликвидировать отставание.

Теперь уже беспокоился и он.

– Какое же отставание? Как бы все-таки узнать, от чего они отстают? Тогда стало бы ясно, чем они занимаются.

Но даже двухметровая стенгазета не рассеяла тумана, сгустившегося вокруг непонятного слова «Клооп».

Это была зауряднейшая стенгазетина, болтливая, невеселая, с портретами, картинками и статьями, получаемыми, как видно, по подписке из какого-то центрального газетного бюро. Она могла бы висеть и в аптекоуправлении, и на черноморском пароходе, и в конторе на золотых приисках, и вообще где угодно. О Клоопе там упоминалось только раз, да и то в чрезвычайно неясной форме: «Клооповец, поставь работу на высшую ступень!»

– Какую же работу? – возмущенно спросил зевака. – Придется узнавать у служащих. Неудобно, конечно, но придется. Слушайте, товарищ...

С внезапной ловкостью, с какой пластун выхватывает из неприятельских рядов языка, зевака схватил за талию бежавшего по коридору служащего и стал его выспрашивать. К удивлению приятелей, служащий задумался и вдруг покраснел.

– Что ж, – сказал он после глубокого размышления, – я в конце концов не оперативный работник. У меня свои функции. А Клооп что же? Клооп есть Клооп.

И он побежал так быстро, что гнаться за ним было бы бессмысленно.

Хотя и нельзя еще было понять, что такое Клооп, но по некоторым признакам замечалось, что учреждение это любит новшества и здоровый прогресс. Например, бухгалтерия называлась здесь счетным цехом, а касса – платежным цехом. Но картину этого конторского проспекти портила дрянная бумажка: «Сегодня платежа не будет». Очевидно, наряду с прогрессом имелось и отставание.

В большой комнате за овальным карточным столом сидело шесть человек. Они говорили негромкими, плаксивыми голосами.

Кстати, почему на заседаниях по культработе всегда говорят плаксивыми голосами?

Это, как видно, происходит из жалости культактива к самому себе. Жертвуешь всем для общества, устраиваешь вылазки, семейные вечера, идеологическое лото с разумными выигрышами, распределяешь брынзу, джемпера и лопаты – в общем, отдаешь лучшие годы жизни, – и

все это безвозмездно, бесплатно, из одних лишь идейных соображений, но почему-то в урочное время. Очень себя жалко!

Друзья остановились и начали прислушиваться, надеясь почерпнуть из разговоров нужные сведения.

– Надо прямо сказать, товарищи, – замогильным голосом молвила пожилая клооповка, – по социально-бытовому сектору работа проводилась недостаточно. Не было достаточного охвата. Недостаточно, не полностью, не целиком раскатались, размахнулись и развернулись. Лыжная вылазка проведена недостаточно. А почему, товарищи? Потому, что Зоя Идоловна проявила недостаточную гибкость.

– Как? Это я недостаточно гибкая? – завопила ужаленная в самое сердце Зоя.

– Да, вы недостаточно гибкая, товарищ!

– Почему же я, товарищ, недостаточно гибкая?

– А потому, что вы совершенно, товарищ, негибкая.

– Извините, я чересчур, товарищ, гибкая.

– Откуда же вы можете быть гибкая, товарищ?

Здесь в разговор вкрался зевака.

– Простите, – сказал он нетерпеливо, – что такое Клооп? И чем он занимается?

Прерванная на самом интересном месте шестерка посмотрела на дерзких помраченными глазами. Минуту длилось молчание.

– Не знаю! – решительно ответила Зоя Идоловна. – Не мешайте работать, – и, обернувшись к сопернице по общественной работе, сказала рыдающим голосом: – Значит, я недостаточно гибкая? Так, так! А вы – гибкая?

Друзья отступили в коридор и принялись совещаться. Лентяй был испуган и предложил уйти. Но зевака не склонился под ударами судьбы.

– До самого Калинина дойду! – завизжал он неожиданно. – Я этого так не оставлю.

Он гневно открыл дверь с надписью: «Заместитель председателя». Заместителя в комнате не было, а находившийся там человек в барашковой шапке отнесся к пришельцам джентльменски холодно. Что такое Клооп, он тоже не знал, а про заместителя сообщил, что его давно бросили в шахту.

– Куда? – спросил лентяй, начиная дрожать.

– В шахту, – повторила барашковая шапка. – На профработу. Да вы идите к самому председателю. Он парень крепкий, не бюрократ, не головотяп. Он вам все разъяснит.

По пути к председателю друзья познакомились с новым объявлением: «Стой! Срочно получи в местком картофельные талоны. Промедление грозит аннулированием».

– Промедление грозит аннулированием. Аннулирование грозит промедлением, – бормотал лентяй в забыты.

– Ах, скорей бы узнать, к чему вся эта кипучая деятельность?

Было по дороге еще одно приключение. Какой-то человек потребовал с них дифпай. При этом он грозил аннулированием членских книжек.

– Пустите! – закричал зевака. – Мы не служим здесь.

– А кто вас знает, – сказал незнакомец, остывая, – тут четыреста человек работает. Всех не запомнишь. Тогда дайте по двадцать копеек в «Друг чего-то». Дайте! Ну, дайте!

– Мы уже давали, – пищал лентяй.

– Ну и мне дайте! – стонал незнакомец. – Да дайте! Всего по двадцать копеек.

Пришлось дать.

Про Клооп незнакомец ничего не знал.

Председатель, опираясь ладонями о стол, поднялся навстречу посетителям.

– Вы, пожалуйста, извините, что мы непосредственно к вам, – начал зевака, – но, как это ни странно, только вы, очевидно, и можете ответить на наш вопрос.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сказал председатель.

– Видите ли, дело в том. Ну, как бы вам сказать. Не можете ли вы сообщить нам, – только не примите за глупое любопытство, – что такое Клооп?

– Клооп? – спросил председатель.

– Да, Клооп.

– Клооп? – повторил председатель звучно.

– Да, очень было бы интересно.

Уже готова была раздёрнуться завеса. Уже тайне приходил конец, как вдруг председатель сказал:

– Понимаете, вы меня застигли врасплох. Я здесь человек новый, только сегодня вступил в исполнение обязанностей и еще недостаточно в курсе. В общем, я, конечно, знаю, но еще, как бы сказать...

– Но все-таки, в общих чертах?..

– Да и в общих чертах тоже...

– Может быть, Клооп заготавливает лес?

– Нет, лес нет. Это я наверно знаю.

– Молоко?

– Что вы! Я сюда с молока и перешел. Нет, здесь не молоко.

– Шурупы?

– М-м-м... Думаю, что скорее нет. Скорее, что-то другое.

В это время в комнату внесли лопату без ручки, на которой, как на подносе, лежал зеленый джемпер. Эти припасы положили на стол, взяли у председателя расписку и ушли.

– Может, попробуем сначала расшифровать самое название по буквам? – предложил лентяй.

– Это идея, – поддержал председатель.

– В самом деле, давайте по буквам. Клооп. Кооп-перативно-лесо... Нет, лес нет... Попробуем иначе. Кооперативно-лакокрасочное общество... А второе «о» почему? Сейчас, подождите... Кооперативно-лихоимочное...

– Или кустарное?

– Да, кустарно-лихоимочное... Впрочем, позвольте, получается какая-то чушь. Давайте начнем систематически. Одну минуточку.

Председатель вызвал человека в барашковой шапке и приказал никого не пускать.

Через полчаса в кабинете было накурено, как в станционной уборной.

– По буквам – это механический путь, – кричал председатель. – Нужно сначала выяснить принципиальный вопрос. Какая это организация? Кооперативная или государственная? Вот что вы мне скажите.

– А я считаю, что нужно гадать по буквам, – отбивался лентяй.

– Нет, вы мне скажите принципиально...

Уже покои Клоопа пустели, когда приятели покинули дымящийся кабинет. Уборщица подметала коридор, а из дальней комнаты слышались плаксивые голоса:

– Я, товарищ, чересчур гибкая!

– Какая ж вы гибкая, товарищ?

Внизу приятелей нагнал седовласый служащий. Он нес в вытянутых руках мокрый пакет с брынзой. Оттуда капал саламур.

Зевака бросил на служащего замороченный взгляд и смущенно прошептал:

– Чем же они все-таки здесь занимаются?

Счастливый отец

Товарищ Сундучанский ожидал прибавления семейства. В последние решающие дни он путался между столами сослуживцев и расслабленным голосом бормотал:

– Мальчик или девочка? Вот что меня интересует. Марья Васильевна! Если будет девочка, как назвать?

Марью Васильевну вопрос о продлении славного рода Сундучанских почти не интересовал.

– Назовите Клотильдой, – хмуро отвечала она, – или как хотите. По общественным делам я принимаю только после занятий.

– А если мальчик? – допытывал Сундучанский.

– Извините, я занята, – говорила Марья Васильевна, – у меня ударное задание.

– Если мальчик, – советовал товарищ Отверстиев, – назовите в мою честь – Колей... И не путайся здесь под ногами, не до тебя. Мне срочно нужно вырешить вопросы тары.

Однажды Сундучанский прибежал на службу, тяжело дыша.

– А если двойня, тогда как назвать? – крикнул он на весь отдел.

Служащие застонали.

– О черт! Пристал! Называй как хочешь! Ну, Давид и Голиаф.

– Или Брокгауз и Ефрон. Отличные имена.

Насчет Брокгауза сказал Отверстиев. Он был остряк.

– Вы вот шутите, – сказал Сундучанский жалобно, – а я уже отправил жену в родовспомогательное заведение.

Надо правду сказать, никакого впечатления не вызвало сообщение товарища Сундучанского. Был последний месяц хозяйственного года, и все были очень заняты.

Наконец удивительное событие произошло. Род Сундучанских продлился. Счастливый отец отправился на службу. Уши его горели на солнце.

«Я войду, как будто бы ничего не случилось, – думал он, – а когда они набросятся на меня с расспросами, я, может быть, им кое-что расскажу».

Так он и сделал. Вошел, как будто бы ничего не случилось.

– А! Сундучанский! – закричал Отверстиев. – Ну как? Готово?

– Готово, – ответил молодой отец, зардевшись.

– Ну, тащи ее сюда.

– В том-то и дело, что не ее, а его. У меня родился мальчик.

– Опять ты со своим мальчиком! Я про таблицу говорю. Готова таблица? Ведь ее нужно в ударном порядке сдать.

И Сундучанский грустно сел за стол дописывать таблицу.

Уходя, он не сдержался и сказал Марье Васильевне:

– Зашли бы все-таки. На сына взглянули бы. Очень на меня похож. Восемь с половиной фунтов весит, бандит.

– Три с четвертью кило, – машинально прикинула Марья Васильевна. – Вы сегодня на собрании будете? Вопросы шефства...

– Слушай, Отверстиев, – сказал Сундучанский, – мальчик у меня – во! Совсем как человек: живот, ножки. А также уши. Конечно, пока довольно маленькие. Может, зашел бы? Жена как будет рада!

– Ну, мне пора, – вздохнул Отверстиев. – Мы тут буксир один организуем. Времени, брат, совершенно нет. Кланяйся своей дочурке. – И убежал.

В этот день Сундучанский так никого и не залучил к себе домой полюбоваться на сына.

А время шло. Сын прибавлял в весе, и родители начали даже распускать слух о том, что он якобы сказал «агу», чего с двухнедельным младенцем обычно никогда не бывает.

Но и эта потрясающая новость не вызвала притока сослуживцев в квартиру Сундучанского.

Тогда горемыка отец решился на крайность. Он пришел на службу раньше всех и на доске объявлений вывесил бумажку:

БРИГАДА

по обследованию ребенка Сундучанского начинает работу сегодня, в 6 часов, в квартире т. Сундучанского. Явка тт. Отверстиева, Кускова, Имянинен, Шакальской и Башмакова

ОБЯЗАТЕЛЬНА.

В три часа к Сундучанскому подошел Башмаков и зашептал:

– Слушай, Сундучанский. Я сегодня никак не могу. У меня кружок и потом... жена больна... ей-богу!

– Ничего не поделаешь, – холодно сказал Сундучанский, – все загружены. Я, может, тоже загружен. Нет, брат, в объявлении ясно написано: «Явка обязательна»...

С соответствующим опозданием, то есть часов в семь, члены бригады, запыхавшись, вбежали в квартиру Сундучанского.

– Надо бы поаккуратнее, – заметил хозяин, – ну да ладно, садитесь. Сейчас начнем.

И он вкатил в комнату коляску, где, разинув рот, лежал молодой Сундучанский.

– Вот, – сказал Сундучанский-отец. – Можете смотреть.

– А как регламент? – спросила Шакальская. – Сначала смотреть, а потом задавать вопросы? Или можно сначала вопросы?

– Можно вопросы, – сказал отец, подавляя буйную радость.

– Не скажет ли нам докладчик, – спросил Отверстиев привычным голосом, – каковы качественные показатели этого объекта...

– Можно слово к порядку ведения собрания? – перебила, как всегда, активная Шакальская.

– Не замечается ли в ребенке недопотолстения, то есть недоприбавления в весе? – застенчиво спросил Башмаков.

И машинка завертелась.

Счастливый отец не успевал отвечать на вопросы.

1933

Разговоры за чайным столом

В семье было три человека – папа, мама и сын. Папа был старый большевик, мама – старая домашняя хозяйка, а сын был старый пионер со стриженной головой и двенадцатилетним жизненным опытом.

Казалось бы, все хорошо.

И тем не менее ежедневно за утренним чаем происходили семейные ссоры.

Разговор обычно начинал папа.

– Ну, что у вас нового в классе? – спрашивал он.

– Не в классе, а в группе, – отвечал сын. – Сколько раз я тебе говорил, папа, что класс – это реакционно-феодалное понятие.

– Хорошо, хорошо. Пусть группа. Что же учили в группе?

– Не учили, а прорабатывали. Пора бы, кажется, знать.

– Ладно, что же прорабатывали?

– Мы прорабатывали вопросы влияния лассальянства на зарождение реформизма.

– Вот как! Лассальянство? А задачи решали?

– Решали.

– Вот это молодцы! Какие же вы решали задачи? Небось трудные?

– Да нет, не очень. Задачи материалистической философии в свете задач, поставленных второй сессией Комакадемии совместно с пленумом общества аграрников-марксистов.

Папа отодвинул чай, протер очки полой пиджака и внимательно посмотрел на сына. Да нет, с виду как будто ничего. Мальчик как мальчик.

– Ну, а по русскому языку что сейчас уч... то есть прорабатываете?

– Последний раз коллективно зачитывали поэму «Звонче голос за конский волос».

– Про лошадку? – с надеждой спросил папа. – «Что ты ржешь, мой конь ретивый, что ты шейку опустил?»

– Про конский волос, – сухо повторил сын. – Неужели не слышал?

Гей, ребята, все в поля

Для охоты на

Коня!

Лейся, песня, взвейся, голос.

Рвите ценный конский волос!

– Первый раз слышу такую... м-м-м... странную поэму, – сказал папа. – Кто это написал?

– Аркадий Паровой.

– Вероятно, мальчик? Из вашей группы?

– Какой там мальчик!.. Стыдно тебе, папа. А еще старый большевик... не знаешь Парового! Это знаменитый поэт. Мы недавно даже сочинение писали – «Влияние творчества Парового на западную литературу».

– А тебе не кажется, – осторожно спросил папа, – что в творчестве этого товарища Парового как-то мало поэтического чувства?

– Почему мало? Достаточно ясно выпячены вопросы сбора ненужного коню волоса для использования его в матрацной промышленности.

– Ненужного?

– Абсолютно ненужного.

– А конские уши вы не предполагаете собирать? – закричал папа дребезжащим голосом.

– Кушайте, кушайте, – примирительно сказала мама. – Вечно у них споры.

Папа долго хмыкал, пожимал плечами и что-то гневно шептал себе под нос. Потом собрался с силами и снова подступил к загадочному ребенку.

– Ну, а как вы отдыхаете, веселитесь? Чем вы развлекались в последнее время?

– Мы не развлекались. Некогда было.

– Что же вы делали?

– Мы боролись.

Папа оживился.

– Вот это мне нравится. Помню, я сам в детстве увлекался. Браруле, тур де-тет, захват головы в партере. Это очень полезно. Чудная штука – французская борьба.

– Почему французская?

– А какая же?

– Обыкновенная борьба. Принципиальная.

– С кем же вы боролись? – спросил папа упавшим голосом.

– С лебедевщиной.

– Что это еще за лебедевщина такая? Кто это Лебедев?

– Один наш мальчик.

– Он что, мальчик плохого поведения? Шалун?

– Ужасного поведения, папа! Он повторил целый ряд деборинских ошибок в оценке махизма, махаевщины и механицизма.

– Это какой-то кошмар!

– Конечно, кошмар. Мы уже две недели только этим и занимаемся. Все силы отдаем на борьбу. Вчера был политаврал.

Папа схватился за голову.

– Сколько же ему лет?

– Кому, Лебедеву? Да немолод. Ему лет восемь.

– Восемь лет мальчику, и вы с ним боретесь?

– А как по-твоему? Проявлять оппортунизм? Смазывать вопрос?

Папа дрожащими руками схватил портфель и, опрокинув по дороге стул, выскочил на улицу. Неуязвимый мальчик снисходительно усмехнулся и прокричал ему вдогонку:

– А еще старый большевик!

Однажды бедный папа развернул газету и издал торжествующий крик. Мама вздрогнула. Сын сконфуженно смотрел в свою чашку. Он уже читал постановление ЦК о школе. Уши у него были розовые и просвечивали, как у кролика.

– Ну-с, – сказал папа, странно улыбаясь, – что же теперь будет, ученик четвертого класса Ситников Николай?

Сын молчал.

– Что вчера коллективно прорабатывали?

Сын продолжал молчать.

– Изжили наконец лебедевщину, юные непримиримые ортодоксы?

Молчание.

– Уже признал бедный мальчик свои сверхдеборинские ошибки? Кстати, в каком он классе?

– В нулевой группе.

– Не в нулевой группе, а в подготовительном классе! – загремел отец. – Пора бы знать!

Сын молчал.

– Вчера читал, что этого вашего Аркадия, как его, Паровозова не приняли в Союз писателей. Как он там писал? «Гей, ребята, вый дем в поле, с корнем вырвем конский хвост»?

– «Рвите ценный конский волос», – умоляюще прошептал мальчик.

– Да, да. Одним словом: «Лейся, взвейся, конский голос». Я все помню. Это еще оказывает влияние на мировую литературу?

– Н-не знаю.

– Не знаешь? Не жуй, когда с учителем говоришь! Кто написал «Мертвые души»? Тоже не знаешь? Гоголь написал. Гоголь.

– Вконец разложившийся и реакционно настроенный мелкий мистик... – обрадованно забубнил мальчик.

– Два с минусом! – мстительно сказал папа. – Читать надо Гоголя, учить надо Гоголя, а прорабатывать будешь в Комакадемии, лет через десять. Ну-с, расскажите мне, Ситников Николай, про Нью-Йорк.

– Тут наиболее резко, чем где бы то ни было, – запел Коля, – выявляются капиталистические противоре...

– Это я сам знаю. Ты мне скажи, на берегу какого океана стоит Нью-Йорк?

Сын молчал.

– Сколько там населения?

– Не знаю.

– Где протекает река Ориноко?

– Не знаю.

– Кто была Екатерина Вторая?

– Продукт.

– Как продукт?

– Я сейчас вспомню. Мы прорабатывали... Ага! Продукт эпохи нарастающего влияния торгового капита...

– Ты скажи, кем она была? Должность какую занимала?

– Этого мы не прорабатывали.

– Ах, так! А каковы признаки делимости на три?

– Вы кушайте, – сказала сердобольная мама. – Вечно у них эти споры.

– Нет, пусть он мне скажет, что такое полуостров? – кипятился папа. – Пусть скажет, что такое Куро-Сиво? Пусть скажет, что за продукт был Генрих Птицелов?

Загадочный мальчик сорвался с места, дрожащими руками запихнул в карман рогатку и выбежал на улицу.

– Двоечник! – кричал ему вслед счастливый отец. – Все директору скажу!

Он наконец взял реванш.

1934

Чудесные гости

Редакция газеты «Однажды вечером» находилась в смятении. Сотрудники часто высказывали на лестницу и смотрели вниз, в пролет, уборщицы в неурочное время подметали коридор, ударяя щетками по ногам пробегающих репортеров, а из комнаты, на дверях которой висела табличка «Литературный отдел и юридическая консультация», исходил запах колбасы и слышался отчаянный стук ножей. Там засели пять официантов и метрдотель в визитке. Они резали батоны, раскладывали по тарелкам редиску с зелеными хвостами, колесики лимона и краковскую колбасу. На рукописях стояли бутылки и соусники.

Сотрудники, которые в ожидании банкета нарочно ничего не ели, часто заглядывали в эту комнату и, вдохновившись сверканием апельсинов и салфеток, снова устремлялись на лестницу.

Заведующий литературным отделом стоял перед редактором и, нервно притрагиваясь к своим маленьким усикам, говорил:

– Сейчас у них обед с народными и заслуженными артистами, потом они поедут на завтрак в ЦУНХУ, оттуда минут через десять – на обед со знатными людьми колхозов, а там уже стоит наш человек с машинами, схватит их и привезет прямо сюда закусывать.

– И капитан Воронин будет? – с сомнением спросил редактор.

– Будет, будет. Челюскинцами я редакцию обеспечил. Можете не сомневаться.

– А герои? Смотрите, Василий Александрович!

– Героями я редакцию обеспечил. У нас будут: Доронин, Молоков, Водопьянов и Слепнев.

– Слушайте, а их не перехватят по дороге? Ведь они подъедут со стороны Маросейки, а там в каждом доме учреждение.

– С этой стороны мы тоже обеспечены. Я распорядился. Наш человек повезет их по кольцу «Б», а потом глухими переулками. Привезем свеженькими, как со льдины.

– Ой, хоть бы уж скорей приехали! – сказал редактор. – С едой там все в порядке? Смотрите, они, наверно, голодные приедут.

По телефону сообщили последнюю сводку:

– Выехали из ЦУНХУ, едут к знатым людям.

Известие облетело всю редакцию, и ножи застучали еще сильнее. Метрдотель выгнул грудь и поправил галстучек. На улице возле дома стали собираться дети.

Час прошел в таком мучительном ожидании, какое едва ли испытывали челюскинцы, ища в небе самолетов. Василий Александрович не отрывался от телефона, принимая сообщения.

– Что? Едят второе? Очень хорошо!

– Начались речи? Отлично!

– Кто пришел отбивать? Ни под каким видом! Имейте в виду, если упустите, мы поставим о вас вопрос в местное. Может, вам нужна помощь? Высылаем трех на мотоциклете: Гуревича, Гуровича и Гурвича. Поставьте их на пути следования.

Наконец было получено последнее сообщение:

– Вышли на улицу. Захвачены. Усажены в машины. Едут.

– Едут, едут!

И в ту же минуту в кабинет редактора ворвался театральный рецензент. В волнении он сорвал с себя галстук и держал его в руке.

– Катастрофа! – произнес он с трудом.

– Что случилось?

– Внизу, – сказал рецензент грубоватым голосом, – на третьем этаже, в редакции газеты «За рыбную ловлю», стоят банкетные столы. Только что видел своими глазами.

– Ну и пусть стоят. При чем тут мы?

– Да, но они говорят, что ждут челюскинцев. И, главное, тех же самых, которых ждем мы.

– Но ведь челюскинцев везут наши люди.

– Перехватят. Честное слово, перехватят! Мы на четвертом этаже, а они на третьем.

– А мы их посадим в лифт.

– А в лифте работает их лифтерша. Они все учли. Я ее спрашивал. Ей дали приказ везти героев на третий этаж – и никаких.

– Мы пропали! – закричал редактор звонким голосом. – Я же вам говорил, Василий Александрович, что перехватят!

– А я вам еще полгода назад говорил не сдавать третий этаж этой «За рыбную ловлю». Сдали бы тихой Медицинской энциклопедии, теперь все было бы хорошо.

– Кто же знал, что «Челюскин» погибнет! Ай-яй-яй! Пригрели змею на своей груди.

– А какой у них стол! – кипятился рецензент. – Это ведь рыбная газета. Одна рыба. Лососина, осетрина, белуга, севрюга, иваси, копченка, налимыя печень, крабы, селедки. Восемнадцать сортов селедок, дорогие товарищи!

Несчастный редактор газеты «Однажды вечером» взмахнул руками, выбежал на лестницу и спустился на площадку третьего этажа.

Там, как ни в чем не бывало, мелкими шажками прогуливался ответственный редактор газеты «За рыбную ловлю». Он что-то бормотал себе под нос, очевидно репетируя приветственную речь. Из дверей выглядывали сотрудники. От них пахло рыбой.

Сдерживая негодование, редактор «Однажды вечером» сказал:

– Здравствуйтесь, товарищ Барсук. Что вы тут делаете, на лестнице?

– Дышу воздухом, – невинно ответил рыбный редактор.

– Странно.

– Ничего странного нет. Моя площадка – я и дышу. А вы что тут делаете, товарищ Икапидзе?

– Тоже дышу свежим воздухом.

– Нет; вы дышите свежим воздухом у себя. На площадке четвертого этажа.

– Ой, товарищ Барсук, – проникновенно сказал «Однажды вечером», – придется нам, кажется, встретиться в Комиссии партийного контроля.

– Пожалуйста, товарищ Икапидзе. К вашим услугам. Членский билет номер 1293 562.

– Я знаю, – застонал «Однажды вечером», – вы ждете тут наших челюскинцев.

– Челюскинцы не ваши, а общие, – хладнокровно ответил «За рыбную ловлю».

– Ах, общие!

И редакторы стали надвигаться друг на друга.

В это время внизу затрещали моторы, послышались крики толпы и освещенный лифт остановился на третьем этаже. На площадку вышли герои. Рыбная лифтерша сделала свое черное дело.

«Однажды вечером» бросился вперед, но тут беззастенчивый Барсук стал в позу и с невероятной быстротой запел:

– Разрешите мне, дорогие товарищи, в этот знаменательный час...

Дело четвертого этажа казалось проигранным. Хитрый Барсук говорил о нерушимой связи рыбного дела с Арктикой и о громадной роли, которую сыграла газета «За рыбную ловлю» в деле спасения челюскинцев. Пока Барсук действовал таким образом, «Однажды вечером» нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как конь. И едва только враг окончил свое торжественное слово, как товарищ Икапидзе изобразил на лице хлебосольную улыбку и ловко перехватил инициативу.

– А теперь, дорогие гости, – сказал он, отодвигая плечом соперника, – милости просим закусить на четвертый этаж. Пожалуйста, пройдите. Вот сюда, пожалуйста. Что вы стоите на

дороге, товарищ Барсук? Нет, пардон, пропустите, пожалуйста. Сюда, сюда, дорогие гости. Не обессудьте... так сказать, хлеб-соль...

И, ударив острым коленом секретаря «Рыбной ловли», который самоотверженно пытался лечь на ступеньку и преградить путь своим телом, он повел челюскинцев за собой.

Чудесные гости, устало улыбаясь и со страхом обоняя запах еды, двинулись в редакцию вечерней газеты.

В молниеносной и почти никем не замеченной вежливой схватке расторопный Барсук успел все-таки отхватить и утащить в свою нору двух героев и восемь челюскинцев с семьями.

Это заметили, только усевшись за банкетные столы. Утешал, однако, тот радостный факт, что отчаянный Василий Александрович дополнительно доставил на четвертый этаж по пожарной лестнице еще трех челюскинцев: двух матросов первой статьи и кочегара с женой и двумя малыми детками. По дороге, когда они карабкались мимо окна третьего этажа, рыбные сотрудники с криками: «Исполать, добро пожаловать!» – хватали их за ноги, а Василия Александровича попытались сбросить в бездну. Так по крайней мере он утверждал.

А дальше все было хорошо и даже замечательно. Говорили речи, чуть не плакали от радости, смотрели на героев во все глаза, умоляли ну хоть что-нибудь съесть, ну хоть кусочек. Добрые герои ели, чтоб не обидеть. И на третьем этаже тоже, как видно, все было хорошо. Оттуда доносилось такое сверхмощное ура, что казалось, будто целый армейский корпус идет в атаку.

После речей начались воспоминания, смеялись, пели, радовались. В общем, как говорится, вечер затянулся далеко за полночь.

Так вот, далеко за полночь на нейтральной площадке, между третьим и четвертым этажом, встретились оба редактора. В волосах у них запутались разноцветные кружочки конфетти. Из петлицы Барсука свисала бывшая чайная роза, от которой почему-то пахло портвейном № 17, а Икапидзе обмахивал разгоряченное лицо зеленым хвостиком от редиски. Лица у них сияли. О встрече в Комиссии партийного контроля давно уже не было речи. Они занимались более важным делом.

– Значит, так, – говорил Икапидзе, поминутно наклоняясь всем корпусом вперед, – мы вам даем Водопьянова, а вы нам... вы нам да-е-те Молокова.

– Мы вам Молокова? Вы просто смеетесь. Молоков, с вашего разрешения, спас тридцать девять человек!

– А Водопьянов?

– Что Водопьянов?

– А Водопьянов, если хотите знать, летел из Хабаровска шесть тысяч километров! Плохо вам?

– Это верно. Ладно. Так и быть. Мы вам даем Молокова, а вы нам даете Водопьянова, одного кочегара с детьми и брата капитана Воронина.

– Может, вам дать уже и самого Воронина? – сатирически спросил Барсук.

– Нет, извините! Мы вам за Воронина, смотрите, что даем: Слепнева с супругой, двух матросов первого класса и одну жену научного работника.

– А Доронин?

– Что Доронин?

– Как что? Доронин прилетел из Хабаровска на неотепленной машине. Это что, по-вашему, прогулка на Воробьевы горы?

– Я этого не говорю.

– В таком случае мы за Доронина требуем: Копусова, писателя Семенова, двух плотников, одного геодезиста, боцмана, художника Федю Решетникова, девочку Карину и специального корреспондента «Правды» Хвата.

– Вы с ума сошли!.. Где я вам возьму девочку? Ведь это дитя! Оно сейчас спит!

И долго еще эти два трогательных добряка производили свои вычисления и обмены. А обмен давно уже устроили без них. Героев водили снизу вверх и сверху вниз, и вообще уже нельзя было разобрать, где какая редакция.

Ночь была теплая, и на улице, в полярном блеске звезд, возле подъезда обеих редакций в полном молчании ожидала героев громадная толпа мальчиков.

1934

Разносторонний человек

Два человека лежали на постелях в доме отдыха и разговаривали. Был мертвый час, и поэтому они говорили вполголоса.

– Как приятно, – сказал один из них, натягивая простыню на свою мохнатую грудь, – поговорить с интеллигентным человеком. Возьмите, например, нашу науку. Она делает громадные шаги. Разные открытия, изобретения, усовершенствования. Не успеваешь даже за всем уследить.

– Да, – сказал второй, – науке сейчас уделяется большое внимание. Я вот в конце прошлого лета отдыхал в санатории ЦЕКУБУ, и, знаете, удивительно мне там понравилось. Встаешь утром, и сразу тебе первый завтрак: два яичка всмятку, икра, основательная такая пластинка ветчины, обязательно что-нибудь горячее, ну и кофе... Одним словом, очень-очень.

– Откроешь газету, – восторженно вставил первый, – сердце радуется. То золото нашли на Волге, то нефть обнаружили. Какой-нибудь старичок академик, чуть ли не восьмидесяти лет, а мчится в далекую степь, что-то там роет.

– Да, да, вы правы, громадные успехи. В этом ЦЕКУБУ я прибавил восемь кило. Прекрасный санаторий. Чистота идеальная, отличный персонал, обед ровно в два. Время немножко неудобное, но зато какой обед! Холодный борщок, два вторых, мороженое.

Я там полтора месяца провел. Нет, наука – это действительно.

– А искусство? – с горячностью сказал первый. – Какие грандиозные начинания! В одной Москве что делается! Прорубают новые проспекты, возводят величественные здания. И если кто-нибудь раньше сомневался в наших архитекторах, то теперь прямо можно сказать, что они знают свое дело, не отстают от требований эпохи.

– Совершенно верно. Я всегда это говорил. Как раз после ученых я поехал худеть на минеральные воды, именно в дом отдыха архитекторов. Маленький такой домик, а здорово поставлено. Встаешь утром, и подают тебе очень легкий, но необыкновенно вкусный завтрак. Потом идешь к источнику, совершаешь прогулки. Вы знаете, моя жена женщина довольно требовательная, но и ей понравилось. Что вы хотите? Интересное общество, первоклассное питание, души, массажи, по вечерам симфонический оркестр. Вы правы, архитекторы добились больших достижений.

– Или возьмите литературу, – продолжал первый отдыхающий, – возьмите ленинградских писателей. Какая превосходная и увлекательная беллетристика. Например, «Похищение – Европы» Федина. Вам нравится? Правда, замечательно?

– Что там у ленинградских писателей замечательного? Я жил у них в крымском доме отдыха не то в июне, не то в июле. Сбежал через две недели. На завтрак пустой чай с какими-то якобы булочками, да и обед в этом же стиле. Нет, ленинградские писатели мне не нравятся. Вот московские – эти будут получше. У них под Москвой есть творческий дом. Идеальные условия. Каждому дается отдельная творческая ячейка. Мне так понравилось, что я там прожил два месяца, отдыхал после ленинградцев. А жена и до сих пор живет. Встаешь утром, одно удовольствие. Сосны, солнце, ходишь по лесу, собираешь грибы, ну, к завтраку являешься, конечно, с волчьим аппетитом. Да еще трахнешь в своей отдельной творческой ячейке стопочку водки, чтоб никто не видел, и разъяряешься еще больше. Четыре с половиной кило прибавил. Нет, что говорить! Литература у нас совсем не плохая. Вот живопись действительно отстала.

– Почему отстала? – всполошился первый. – А выставка «15 лет Октября»? Я провел там несколько приятных часов.

– Вот именно, что несколько часов. Больше выдержать невозможно. Вы меня извините, но это просто какая-то ночлежка. Понапихали в каждую палату по шесть человек, питание из рук вон, калорийность явно недостаточная. Мы с женой в тот же день уехали, – ну куда

б вы думали? В крестьянский санаторий. Да, да, к крестьянам, к колхозникам. Признаться, когда ехали, у меня с женой сердце сжималось. Ну, думаю, приедем, а там какие-нибудь онучи сушатся, овин строят. Но то, что мы увидели, было черт знает как хорошо. Вы говорите – сдвиги. Конечно, сдвиги! Колоссальные! Встаешь утром: кулебяка, фаршированные яйца, великолепный студень, какао. И это где? В простом колхозном санатории. Мы там прожили три месяца, горя не знали. Выйдешь на пляж, а там уже лежит какая-нибудь премированная доярка Одарка. Вот вам и сельское хозяйство. Вот вам и овин.

Первый отдыхающий беспокойно завертелся под своей простыней и снова попробовал направить разговор по интеллектуальной линии.

– Это не только в сельском хозяйстве, – сказал он. – В промышленности разве мы не видим громадных перемен к лучшему? Возьмите Магнитку, Бобрики, Днепрогэс.

– В днепрогэсовском доме я не был, так что судить не смею. А что касается магнитогорцев, то у них это получается очень недурно. Опытная сестра-хозяйка, горное солнце такое, какого в Берлине не найдете. Встаешь утром – традиционные яички, порядочный бутон сливочного масла и горячие отбивные. Заправишься с утра и уже на весь день получаешь зарядку бодрости. Я там был совсем недавно. Жалко, только один месяц прожили. Не дали нам продолжения. Старший врач оказался сволочеват.

– Сволочеват? – с испугом спросил первый.

– Со всеми признаками сволочизма, – бодро ответил второй.

Получив такой исчерпывающий ответ, первый отдыхающий немножко помолчал.

– А музыку вы любите? – спросил он упавшим голосом. – Согласитесь с тем, что наши композиторы...

– Позвольте, позвольте! – перебил второй. – Композиторы? Что-то припоминаю. Где же это мы были? В Абас-Тумане? Нет, не в Абас-Тумане. Кажется, в Мисхоре. Вот память проклятая стала. Ага! В Хосте. Теперь я вспомнил. Чепуха ваши композиторы! Копейки не стоят. Страшно подумать, мы с женой жили у композиторов, а продовольствоваться ходили к старым политкаторжанам. Ведь это смех. А почему? Потому что у композиторов кормят отвратительно. Встаешь утром, и сразу тебе тычут в морду колбасу и какие-то помидоры. Даже не говорите мне о композиторах. Слушать не желаю. Вот старые каторжане – это другая музыка. Приходишь к ним утром усталый и озлобленный после ваших композиторов, а там уже все готово. За столом сидят чистенькие старички, у всех под бородами салфеточки, стол уставлен разной едой, никаких нет порций, бери что хочешь, понимаете, хватай что хочешь. Сыновнее отношение персонала. Прибавил там двенадцать кило. И это, принимая во внимание изнурительные ночевки у композиторов! В палатах комары, змеи, сороконожки, чуть ли не россомахи. Фу, мерзость! Если бы не отдых на теплоходе, мы с женой совсем бы пропали.

– Как на теплоходе? – удивился человек с мохнатой грудью.

– Очень просто. Из Батума в Одессу, из Одессы в Батум. Туда и обратно – пять дней. Я шесть круговых рейсов сделал, тридцать дней провел на теплоходе. Прекрасный комбинированный отдых. Что бы ни говорили, а водный транспорт у нас на высоте. Чудная каюта, собственная ванна, встаешь утром и действуешь смотря по погоде. Если качает, начинаешь прямо с коньяка. А если не качает, принимаешься за большую флотскую яичницу из восьми яиц с ветчиной. Морской воздух вызывает сумасшедший аппетит. Это очень полезно для здоровья. Все-таки я немножко перехватил, пришлось поехать в Ессентуки к артистам, сбавить три-четыре кило. Если будете в Ессентуках, обязательно устраивайтесь в доме отдыха артистов, там в шестом корпусе хорошенькая няня. Проситесь прямо в шестой корпус.

Первый отдыхающий ничего уже не говорил, ни о чем не спрашивал. А второй с жаром продолжал:

– Веселые люди эти артисты. Театр у нас действительно лучший в мире. Встаешь утром – анекдоты, истории, сценки. Совершенно неистощимые люди, нахохочешься. Потом идешь обе-

дать. Курятину дают, гусятину, индюшатину, что хочешь. Я сам не артист, но и то с ними разные сценки разыгрывал. Только на бильярде с ними на интерес не беритесь. Артисты здорово играют в пирамидку. Свой шар у них всегда на коротком борту, как ниточкой привязан. Но никогда не приезжайте в Ессентуки зимой. Скучно и паршиво.

Зимой надо ехать в Карелию. Там, возле Петрозаводска, такой санаторий, просто сил нет. Встаешь утром – лыжи, коньки, холодная телятина с горчицей. Прямо скажу, производительные силы окраин растут с каждым днем. Встаешь утром... хотя, кажется, я вам уже говорил, что там дают на завтрак. А самое лучшее, езжайте в совхоз. Я вот кончу здесь курс отдыха и сейчас же со своей семьей поеду в свиновхоз отдыхать. Там у меня директор приятель. Встаешь в свиновхозе утром, и сразу тебе парного молочка из-под коровки, яичек из-под курочки, окорочок. Тут же дети, жена, бабушка. Утомляет, конечно, такое, как бы сказать, вечное скитанье. Но, с другой стороны, умственно обогащаешься, начинаешь видеть горизонты. Неправда?

Появилась дежурная сестра и, подав собеседникам по термометру, вышла.

Передовой человек с отвращением сунул термометр под мышку и, наморщившись, спросил:

– Скажите, голубчик... Я, конечно, знаю, но вот нашло какое-то затмение... Чей это дом отдыха?

– Этот?

– Ну да. Этот, в котором мы сейчас находимся.

– Это дом отдыха работников связи.

– Ах, совершенно верно! Работников связи! Я и забыл. Неплохой дом. Ведь какая, казалось бы, чепуха – связь, а вот налаживается. Ну, спите спокойно. Надо набираться сил. Ведь сегодня еще обедать, а в пять часов чай, а в семь – ужин! Все-таки тяжелая жизнь!

1934

Собачий холод

Катки закрыты. Детей не пускают гулять, и они томятся дома. Отменены рысистые испытания. Наступил так называемый собачий холод.

В Москве некоторые термометры показывают тридцать четыре градуса, некоторые почему-то только тридцать один, а есть и такие чудаковатые градусники, которые показывают даже тридцать семь. И происходит это не потому, что одни из них исчисляют температуру по Цельсию, а другие устроены по системе Реомюра, и не потому также, что на Остоженке холоднее, чем на Арбате, а на Разгуляе мороз более жесток, чем на улице Горького. Нет, причины другие. Сами знаете, качество продукции этих тонких и нежных приборов не всегда у нас на неслыханной высоте. В общем, пока соответствующая хозяйственная организация, пораженная тем, что благодаря морозу население неожиданно заметило ее недочеты, не начнет выправляться, возьмем среднюю цифру – тридцать три градуса ниже нуля. Это уж безусловно верно и является точным арифметическим выражением понятия о собачьем холоде.

Закутанные по самые глаза москвичи кричат друг другу сквозь свои воротники и шарфы:

– Просто удивительно, до чего холодно!

– Что ж тут удивительного? Бюро погоды сообщает, что похолодание объясняется вторжением холодных масс воздуха с Баренцева моря.

– Вот спасибо. Как это они все тонко подмечают. А я, дурак, думал, что похолодание вызвано вторжением широких горячих масс аравийского воздуха.

– Вот вы смеетесь, а завтра будет еще холоднее.

– Не может этого быть.

– Уверю вас, что будет. Из самых достоверных источников. Только никому не говорите. Понимаете? На нас идет циклон, а в хвосте у него антициклон. А в хвосте у этого антициклона опять циклон, который и захватит нас своим хвостом. Понимаете? Сейчас еще ничего, сейчас мы в ядре антициклона, а вот попадем в хвост циклона, тогда заплачете. Будет невероятный мороз. Только вы никому ни слова.

– Позвольте, что же все-таки холоднее – циклон или антициклон?

– Конечно, антициклон.

– Но вы сейчас сказали, что в хвосте циклона какой-то небывалый мороз.

– В хвосте действительно очень холодно.

– А антициклон?

– Что антициклон?

– Вы сами сказали, что антициклон холоднее.

– И продолжаю говорить, что холоднее. Чего вы не понимаете? В ядре антициклона холоднее, чем в хвосте циклона. Кажется, ясно.

– А сейчас мы где?

– В хвосте антициклона. Разве вы сами не видите?

– Отчего же так холодно?

– А вы думали, что к хвосту антициклона Ялта привязана? Так, по-вашему?

Вообще замечено, что во время сильных морозов люди начинают беспричинно врать. Врут даже кристально честные и правдивые люди, которым в нормальных атмосферных условиях и в голову не придет сказать неправду. И чем крепче мороз, тем крепче врут. Так что при нынешних холодах встретить вконец изовравшегося человека совсем не трудно.

Такой человек приходит в гости, долго раскутывается; кроме своего кашне, снимает белую дамскую шаль, стаскивает с себя большие дворницкие валенки, надевает ботинки, принесенные в газетной бумаге, и, войдя в комнату, с наслаждением заявляет:

– Пятьдесят два. По Реомюру.

Хозяину, конечно, хочется сказать: «Что ж ты в такой мороз шляешься по гостям? Сидел бы себе дома», – но вместо этого он неожиданно для самого себя говорит:

– Что вы, Павел Федорович, гораздо больше. Днем было пятьдесят четыре, а сейчас, безусловно, холоднее.

Здесь раздается звонок, и с улицы вваливается новая фигура. Фигура еще из коридора радостно кричит:

– Шестьдесят, шестьдесят! Ну, нечем дышать, совершенно нечем.

И все трое отлично знают, что вовсе не шестьдесят, и не пятьдесят четыре, и не пятьдесят два, и даже не тридцать пять, а тридцать три, и не по Реомюру, а по Цельсию, но удержаться от преувеличения невозможно. Простим им эту маленькую слабость. Пусть врут на здоровье. Может быть, им от этого сделается теплее.

Покамест они говорят, от окон с треском отваливается замазка, потому что она не столько замазка, сколько простая глина, хотя в ассортименте товаров значится как замазка высшего качества. Мороз-ревизор все замечает. Даже то, что в магазинах нет красивой цветной ваты, на которую так отрадно взглянуть, когда она лежит между оконными рамами, сторожа квартирное тепло.

Но беседующие не обращают на это внимания. Рассказываются разные истории о холодах и выюгах, о приятной дремоте, охватывающей замерзающих, о сенбернарах с бочонком рома на ошейнике, которые разыскивают в снежных горах заблудившихся альпинистов, вспоминают о ледниковом периоде, о проваливающихся под лед знакомых (один знакомый якобы упал в прорубь, пробарахтался подо льдом двенадцать минут и вылез оттуда целехонек, живехонек и здоровехонек) и еще множество сообщений подобного рода.

Но венцом всего является рассказ о дедушке.

Дедушки вообще отличаются могучим здоровьем. Про дедушек всегда рассказывают что-нибудь интересное и героическое. (Например: «мой дед был крепостным», на самом деле он имел хотя и небольшую, но все-таки бакалейную лавку.) Так вот во время сильных морозов фигура дедушки приобретает совершенно циклопические очертания.

Рассказ о дедушке хранится в каждой семье.

– Вот мы с вами кутаемся – слабое, изнеженное поколение. А мой дедушка, я его еще помню (тут рассказчик краснеет, очевидно, от мороза), простой был крепостной мужик и в самую стужу, так, знаете, градусов шестьдесят четыре, ходил в лес по дрова в одном люстриновом пиджачке и галстук. Каково? Не правда ли, бодрый старик?

– Это интересно. Вот и у меня, так сказать, совпадение. Дедушка мой был большущий оригинал. Мороз этак градусов под семьдесят, все живое прячется в свои норы, а мой старик в одних полосатых трусиках ходит с топором на речку купаться. Вырубил себе прорубь, окунется – и домой. И еще говорит, что ему жарко, душно.

Здесь второй рассказчик багровеет, как видно от выпитого чаю.

Собеседники осторожно некоторое время смотрят друг на друга и, убедившись, что возражений против мифического дедушки не последует, начинают взапуски врать о том, как их предки ломали пальцами рубли, ели стекло и женились на молоденьких, имея за плечами – ну как вы думаете, сколько? – сто тридцать два года. Каких только скрытых черт не обнаруживает в людях мороз!

Что бы там ни вытворяли невероятные дедушки, а тридцать три градуса это неприятная штука. Амундсен говорил, что к холоду привыкнуть нельзя. Ему можно верить, не требуя доказательств. Он это дело знал досконально.

Итак, мороз, мороз. Даже не верится, что есть где-то на нашем дальнем севере счастливые теплые края, где, по сообщению уважаемого бюро погоды, всего лишь десять – пятнадцать градусов ниже нуля.

Катки закрыты, дети сидят по домам, но жизнь идет – доделывается метро, театры полны (лучше замерзнуть, чем пропустить спектакль), милиционеры не расстаются со своими бальными перчатками, и в самый лютый холод самолеты минута в минуту вылетели в очередные рейсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.